

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Тем временем, в верхних этажах иерархии советского общества нарастала политическая борьба между различными группировками. Каждого пятого вербовали в соглядатеи, обыски и аресты стали повсеместно приметой времени.

Из воспоминаний мамы:

«В 1934 году, когда мы были в Кисловодске, вдруг получили письмо от моего свёкора, что приходили с обыском, всё перерыли и ничего не нашли (а что искали – тоже никто не знает!). Отпуск был отравлен, и не знали, как возвращаться домой».

Вместе с тем, ещё в 1933 году моему отцу от Наркомата Тяжёлой промышленности поступило предложение возглавить в качестве заместителя начальника и главного инженера строительство медно-серного комбината «Ормедьзолото» под Оренбургом, на Блявинском месторождении.

Из печати 1930-х годов:

«В результате поисково-разведочных работ 1930 год ознаменовался для южной части западного склона Урала неожиданным открытием Блявинского месторождения, занявшего к настоящему времени по своим запасам одно из первых мест в ряду крупнейших медноколчеданных месторождений Союза... В 1932 г. на месторождении было пройдено 9 скважин, 7 из которых, пройдя «железную шляпу», врезались в медную руду. (Медноколчеданное месторождение Блява. – М.-Л.: ГОНТИ, 1939)».

Открытие это явилось чрезвычайно важным «для обеспечения страны своими собственными цветными металлами, особенно медью, сулившими независимость от иностранной промышленности. Оригинальность нового месторождения заключалась также в присутствии в нём большого количества серы, являвшейся ценным сырьём (Колесников Е. Происхождение Блявы // Оренбургская коммуна (Оренбург). 1936. 4 февраля)».

Надо отметить, что окружающая местность поражала скудностью природы. До горизонта поднимались невысокие каменные холмы. Зимой покрытые снегом, они отсвечивали голубым сиянием, отсюда, со слов старожилов, название железнодорожной станции Блява – от искажённого немецкого «blau» – голубой, унаследованного от приезжавших сюда иностранцев. Вечерами изредка поблёскивали вдали жёлтые огоньки волчьих глаз.

Мне вспомнилось, как перед началом строительства отец, уже согласившийся возглавить разработки, ночью увидел кошмар. Резко привскочив на кровати, он невольно разбудил нас и рассказал пытавшейся его успокоить маме сон об убийце, гнавшемся за ним с топором. Папа был бледен и жаловался на боли в сердце. Тяжкий холод предчувствий заползал нам в душу.

Между тем, 11 мая 1933 г. Г.К. Орджоникидзе подписал постановление коллегии НКТП следующего содержания: «Учитывая огромные запасы и высокую ценность руд Блявинского месторождения, коллегия НКТП постановляет ...» (Хилько М. Начало биографии / Медногорский рабочий. 1978. 1 июля). Далее перечислялись 8 пунктов – о создании в системе «Главзолото» ударного строительства комбината «Блява», об ассигновании 2,5 млн руб. в 1933 г. на подготовительные работы. Предлагалось всемерно форсировать разведочные, исследовательские и проектные работы с тем, чтобы начать строительство комбината в 1934.

«1-го мая 1934 года было организовано Горнорудное управление во главе с Евангуловым П.П. Личное наблюдение за стройкой возложили на начальника «Главзолото» т. Серебровского. (Там же. Серебровский Александр Павлович (1884-1938), советский государственный деятель, профессор (1924). Член КПСС с 1903. С 1920 председатель «Азнефти», Правления Всероссийского нефтесиндиката, зам.пред. ВСНХ СССР. С 1926 начальник «Главзолото», одновременно с 1931 зам. наркома тяжёлой промышленности. Кандидат в члены ЦК партии с 1925. Член ЦИК СССР. Арестован, расстрелян)».

Много лет спустя один из немногих уцелевших после ареста 1937-го года инженеров на строительстве, Владимир Петрович Наумченко (Наумченко В.П. (1901-1985). В 1933-1937 работал на строительстве комбината «Ормедьзолото» нач. Производственно-технического Управления. Перед уходом на пенсию – ст. референт по энергетике при СМ УССР.), встретившись со мной

в 1980 году, написал два очерка с посвящением моему отцу. В них он вспоминает:

«Зимой 1933 года П.П. Евангулов прибыл на железнодорожную станцию Блява, где размещалось Управление. Село лежало под толстым слоем снега, укрывшим хатки до самой крыши. Снежные бураны наметали сугробы высотой до 2-3 метров, не было дорог, жилья, не хватало специалистов и рабочих. Основным видом транспорта были лошади и верблюды.

Но Павел Павлович, талантливый инженер и опытный организатор, не испугался трудностей и с присущей ему энергией взялся за работу. Он поистине являлся душой и мозговым центром строительства. Жил он, как и все, в простой деревенской хате. Его рабочий день начинался рано утром и кончался глубокой ночью... В короткий срок ему удалось создать крепкий и работоспособный коллектив единомышленников, наладить снабжение, транспорт...».

На должность главного металлурга был утверждён Георгий Константинович Маковский.

В своих письмах матери, Елизавете Ефимовне Евангуловой, отец писал со строительства:

«18 сентября 1934 года.

Драгоценная милая мамочка!

Я был счастлив получить письмо... Я тебе написал много писем – в голову. Но на бумагу – поверь мне, нет времени... И вот, в нескольких словах: 1) упитительно интересное, хотя и безумно беспокойное дело! Строим, проектируем, спорим. Мне приходится, главное, смотреть вперёд и вдаль – чтобы не было ошибок. И дело растёт. Растут дома, мастерские, чудесно растёт огромный рудник. Штольня (как железнодорожный туннель) – должна быть 1700 метров (около полутора вёрст). Прошли уже 600 метров. 2) Урывки свободного времени – наладили трио (скрипка, рояль, виолончель). 3) Играл по полчаса в теннис и страшно хорошо и бодро себя чувствовал физически... Твой Павлуша.».

«1934 год.

Мамочка, дорогая...

Неужели ты не поймёшь, что как бы я не был заторможен, запутался в суете сует – всё равно у меня сердце навеки принадлежит тебе... Есть что-то совершенно чудесное, непреодолимое, непобедимое – что называется сыновней любовью... Во время несчастий, болезни стоит мне вспомнить о тебе – я делаюсь терпелив, бодр и весел... Никогда не верь себе, что я тебя забываю – ты меня знаешь и понимаешь. Кажется, Женечка начинает также что-то смекать.

Целую тысячи раз. Твой Павлуша.».

А вот отрывок из другого письма, от 22 октября 1935 года:

«Чем больше живу, тем больше душой возвращаюсь к тебе, больше тебя понимаю... Сколько раз в критическую минуту, когда соблазн берёт покривить душой – сделаешь прямо, решительно, без боязни – потом всё хорошо и правильно окажется... А по существу – инстинктивно действовал «как велела мама». Огромное дело ты для нас сделала – сделала счастливыми...».

К 1935 году новостройку, панораму которой я хорошо запомнила, бывая у папы во время школьных каникул, было не узнать. Россыпью выросли одно- и двухэтажные дома-временки для строителей, в некоторых разместились ларьки и магазинчики. На горизонте виднелись шахтные вышки, а по пыльным бурным дорогам между строительными площадками металась грузовики и «газики». Для служебных связей имелся двухместный самолёт У-2.

В открытые окна занимаемой отцом квартиры на втором этаже деревянного дома доносилось благоухание цветущих лугов.

Единственной разрешённой папой себе роскошью был рояль, взятый напрокат среди прочей обстановки, доставлявшейся горнякам из Оренбурга.

Самым желанным для папы была возможность самому поиграть или послушать моё брэнчанье, когда я, по мере сил, исполняла его любимые произведения. Тогда же мы с ним разыгрывали *Andante cantabile* из первого струнного квартета Чайковского, папа – на скрипке, а я ему аккомпанировала на рояле, замирая от волнения и гордости.

С большой любовью отец относился к спорту, поэтому и я, по его наущению, со страстью носилась по холмам на лыжах, приезжая на зимние каникулы. Меня сопровождала, резвясь, овчарка Тарзан, принадлежавшая

начальнику жилищного строительства Г.А. Кузьмину-Караваеву.

Продолжая нацеливать меня на профессию инженера, отец в очередной наш с мамой летний приезд в оренбургские степи в 1936 году, дав передохнуть после экзаменов, постарался пробудить интерес к бурлящей и громыхающей стройке. Он определил меня техникум-практикантом на посильную работу в штольню. Жутковатым казался густой мрак длинных подземных ходов с тусклыми лампочками в металлических сетках, где плотную тишину нарушал лишь звон периодически пробегающих по рельсам вагонеток да монотонный звук падающих с потолка капель воды. Перевозить инструмент и горняцкое снаряжение на вагонетках с педальным управлением и входило в мои функции. На небольшой трансформаторной подстанции состоялось моё первое знакомство с электротехникой, в частности, со сверкающим зеленоватым светом ртутным выпрямителем.

По воскресеньям мы устраивали вылазки на реку Урал, жара достигала 30°. Там папа учил ребят плавать и играл с нами в лапту. По вечерам детвора со всего посёлка сбегалась к нашему дому для игры в городки. А молодёжь постарше, да и пожилые тоже, часами не покидали теннисный корт, сооружённый по инициативе отца.

С середины 1935 года отец почти безвыездно пребывал на строительстве, в тот год я не поехала к нему, но зато мы активно переписывались. Письма его были насыщенными, полезными и захватывающе интересными, а я посылала ему свои девичьи лирические вирши. Увы! – вся переписка была изъята впоследствии при обыске и пропала.

Успехи стройки бурно освещала печать. Корреспонденты тех далёких лет эмоционально писали: «От теоретических предположений до возникновения внушительного рудника, до закладки одного из крупнейших медеплавильных комбинатов – таков блистательный, меньше, чем 5-летний путь Блявы» (Колесников Е. Происхождение Блявы // Оренбургская коммуна (Оренбург). 1936. 4 февраля). Или: «5 янв. состоялась сбойка штольни и шахты медного рудника!... Таким образом руде был открыт выход на поверхность» (Васильева К. Знаменательный день в Бляве // Оренбургская коммуна. 1936. 6 января). Московская газета «За индустриализацию» сообщила, что «...Рудник на Бляве дал небывалый на Урале рекорд, добыв 2645 тонн медной руды и тем самым выполнив 200% плана» (Цветная металлургия. По сообщ. т. Федораева // За индустриализацию. (М.) – 1936. 22 января).

В те же победные дни, то есть, за год и два месяца до разгрома с повальными арестами на строительстве, начальник «Главзолота» Серебровский А.П. известил телеграммой из Москвы:

«За блестящие успехи на руднике Блявы Нарком Тяжпрома т. Орджоникидзе подписал 5 марта 1936 года приказ... о персональном награждении знаком «Стахановец золотой промышленности» лучших стахановцев, 15 работников Блявинского медно-химического комбината: начальника строительства Б.Ю. Кудиша, главного инженера П.П.Евангулова, забойщика Н.М. Ардашева, начальника проходки штольни Б.А.Шейкина (Серебровский А.П. Телеграмма // Оренбургская коммуна. 1936. 29 марта)».

В мае 1936 года отец пожаловался на возросшую напряжённость в работе, но встревожила его приписка в конце письма:

«Маленькая авария, которая со мной случилась на железной дороге, слегка изуродовала нос и губу... Мне это позволило даже отдохнуть за несколько дней лежания...»

Из рассказа папы происшествие выглядело так. Однажды ночью его срочно вызвали на один из объектов. Помощники отца созвонились с местом назначения и, как обычно, предупредили о своём выезде по однокорейке на дрезине. Однако, примерно в середине пути перед дрезиной неожиданно возник огромный чёрный прямоугольник встречного паровоза, который, как правило, ходил только днём для доставки грузов. При этом, вопреки принятым правилам, он шёл без предупредительных сигналов. Отец крикнул: «Прыгайте!» Дрезина от столкновения с паровозом разлетелась в щепы, а люди, вовремя спрыгнув под откос, не пострадали. У отца разбились очки, и на лице оказалось несколько ссадин и порезов.

Как рассказывал отец, расследование инцидента подтвердило явность покушения на жизнь отца. Кому-то требовалось его убить.

(Продолжение в следующем номере).